
ПРЕДИСЛОВИЕ

История восточного мира поддается изучению труднее, нежели история мира западного, вследствие того, что его исследование сопряжено с преодолением множества лексических трудностей. Дабы облегчить чтение, сделать его более занимательным, я намеренно сократил численность персонажей, в разное время вторгавшихся в частную и общественную жизнь Тамерлана. В приложении читатели найдут, помимо хронологии жизни Тамерлана и генеалогических таблиц, список восточных слов, а также перечень лиц, представляющих интеллигенцию и мир искусства, которых мне пришлось цитировать. Кроме того, в указателе имен я дал нечто вроде глоссария, уточняя профессии и должности персонажей наименее известных (например: архитектор, правитель Хорезма, посол Тамерлана), а что касается основных действующих лиц, — даты их жизни и смерти. Это позволило мне не напоминать лишний раз несведущему читателю, какова была специальность цитированных деятелей, поскольку их имена включены в указатель, а иные сведения о них сообщены в библиографии, снабженной необходимыми пояснениями.

Опираясь в своей работе на сугубо специальные труды, которые зачастую бывает трудно разыскать, я нашел возможным не давать критического аппарата, так как для этой книги он скорее всего оказался бы бесполезным.

Для датирования описанных в книге событий исследователи применяют два календаря: календарь двенадцатилетнего цикла животных (китайского происхождения)¹, а также календарь хиджры (мусульманский). Я придерживался календаря григорианского, ставшего всемирным. Мусульманский год — лунный и более короткий, нежели григорианский, который, как известно, является годом солнечным.

¹ См. приложение, с. 271.

Когда мусульманский месяц того или иного события не указан, оно могло иметь место в двух следующих друг за другом григорианских годах. В таких случаях я бываю вынужден сказать, что событие произошло, например, в 1382—1383 годах.

Затрагивая эпоху, когда Тамерлан владел лишь одной Трансоксианой, я использую определение «трансоксианская армия»; что до периода, когда он владычествовал в Иране и вербовал воинов нетрансоксианцев, то здесь наиболее адекватным обозначением является «армия джагатайская».

Трансоксиана — это область, находящаяся северо-восточнее Окса (Амударьи), именуемая арабами Мавар-аль-Нахиром. На севере она ограничена Сейхуном, более известным как Сырдарья. Географически этот регион является древним Хорезмом. Но ее выделяют особо по той причине, что Хорезм занимает всю дельту Окса и является прародителем государства, имевшего в XIV веке первостепенное значение в политическом и культурном отношении. В те времена нынешний Афганистан не существовал, он на карте мира появился много позже. Собственно говоря, это был восточный край Ирана, населенный ирано-язычными народами.

Суффикс «и», прибавляемый к наименованию того или иного города, обозначает название обитателей этого города; таким образом, жители Герата, например, называются герати. Вообще формы одного и того же слова могут меняться в зависимости от того, кто его произносит — араб, перс, турок или монгол. Я пытался ввести унификацию, пусть даже в ущерб верности, чтобы не сбивать с толку читателей, не знакомых с научными транскрипциями.

Несколько лет назад, когда я писал биографию Бабура, меня очень заинтересовал этот персонаж, положивший начало созданию в Индии империи, известной как империи Великих Моголов. Я побывал почти везде, где он появлялся, а также несколько раз посетил его могилу, прочитал и перечитал его «Воспоминания». Несмотря на то, что мне были очевидны его промахи, я был покорен его достоинством, его дарованием; я полюбил его, как любишь старого товарища, с которым тебя развела жизнь, но память о котором преданно сохраняешь. В своем предисловии к книге я признался тогда, что, по моему мнению, авторы не должны посвящать несколько лет своей жизни человеку для них

привлекательному. Однако я не скажу этого, когда речь идет о предке Бабура, Тимуре Хромом, называемом в Европе Тамерланом.

В этом человеке нет ничего, что могло бы сразу вызвать симпатию, хотя он являлся недюжинным гением, его пребывание на Земле имело грандиозные последствия, его сложная и противоречивая личность вызывала и вызывает всеобщее любопытство и предоставила психологам богатую пищу для размышлений. Должен ли я признаваться в том, что он даже препятствовал моей дружбе с турками, при том, что мне было известно: нет народа, который не имел бы своего шлага или своих чудовищ, и что не по ним следует о нем судить.

Я долго не решался писать продолжение моего «Бабура», то есть историю Великих Моголов в виде жизнеописаний его главных последователей: Акбара, одного из наиболее выдающихся азиатских государей; Джахангира, *шаха* Джохана, по чьему слову в Агре был возведен знаменитый Тадж-Махал; Аурангзеба, который вовсе не был последним Великим Моголом, а являлся тем последним из них, кто действительно мог носить титул Великого. Удерживала меня и другая работа, казавшаяся более срочной. Но эта пауза оказалась для меня благодатной, поскольку за это время я пришел к твердому убеждению в том, что ошибочно начал свое исследование с Великих Моголов, тогда как его надлежало начать с Тамерлана, если, конечно, исторические процессы обладают началом, которое не теряется во мраке Времени.

Вообще говоря, можно было бы начать рассказ с Чингисхана, коего жизнь, как утверждал большой специалист в нашем деле Поль Пеллиу, представляет собою самое изумительное приключение из всех известных человечеству; и даже с тех степных империй, которые ему предшествовали и сделали возможной его деятельность. Их имя узурпировали Великие Моголы, которые были не монголами, а тюрками или по меньшей мере, как многие тюрки во всем мире, людьми отюреченными. В прямом смысле слова они были Тимуридами, являясь ими согласно генеалогии. Бабура доводился внуком Султану-Абусаиду (1452—1460), который, в свою очередь, был правнуком Тамерлана. От основателя семьи его отделяют четыре поколения; он родился минимум через восемьдесят лет после его смерти. На эту родословную Великие Моголы настойчиво претендовали. Бабура посвятил свои молодые годы тому, чтобы за-

владеть бывшей столицей Тимура, Самаркандом; он захватывал и отдавал этот город трижды. Бабур рассматривал Индию как свое законное наследство, поскольку его предок вступил в эту страну с оружием в руках. После него его сын Гумаюн, его внук Акбар и другие наследники, которые, хоть и были озабочены усвоением иранской культуры, подобно детям самого Тимура, творцам тимуридского Ренессанса, хоть и сделались они настоящими индийскими князьями, не забывали никогда о том, что происходили из Средней Азии, и хранили в душах нечто большее, нежели простые реминисценции степных традиций. Упустить из вида эти факты значило бы обречь себя на бесконечные блуждания в лабиринте культурной политики, проводившейся на Индийском субконтиненте, по меньшей мере, в продолжение всего XVI столетия.

Прежде чем продолжить изучение Великих Моголов, я должен был заняться Тамерланом, этой знаменитой личностью второй половины XIV века, о которой мы имеем множество приблизительных представлений и к которой, скажем прямо, я питал откровенную антипатию, основанную на стойких предрассудках. Я уже интересовался им как во время посещений Самарканда и его мавзолея, так и в связи с небольшой статьей, которую меня попросили написать о резне, учиненной им в Исфагане. Тогда я мало чего открыл для себя, но почувствовал, что сей человек не был таким однозначным, как казалось, и являлся не только злым гением. Грезы среди блистательных руин мечети Биби-Ханым, в завораживающей тишине несравненного некрополя Шахи-Зинда не могут не поразить человеческую душу.

Родившиеся тогда мысли стали понемногу обретать ясность, чтобы окончательно созреть к тому дню, когда я взялся за написание этой книги.

Означает ли это, что я ставлю своей целью реабилитировать Тамерлана? Сей человек имеет столько же панегиристов, сколько и хулителей. Тамерлана ненавидели и боготворили, воспевали и поносили очень многие и сверх всякой меры. Едва он скончался, как раздались голоса: «В рай! К ангелам!» и: «В ад! К чертям!»

Думается, существует очевидная необходимость что-то сказать в оправдание тех, кто его восхвалял, при этом вовсе не являясь ни платными историографами, ни придворными.

В кочевнических юртах, вдали от страны, где он воздвиг свой трон, все еще имеются воспевающие его барды; таковым был тот юноша, наделенный «сильным и выразительным голосом», коего слушал всего полтора столетия назад отец Юк, миссионер и знаменитый исследователь Тибета, оказавшийся в краю шабортских монголов. «Когда божественный Тимур жил в наших кибитках, монгольская нация была грозной и воинственной; под его стопами прогибалась земля... О божественный Тимур, скоро ли возродится твоя великая душа? Прииди! Мы ждем тебя, о Тимур!.. Память о славных Тимуровых временах неизменно с нами. Где он, вождь, долженствующий нас возглавить, чтобы вновь сделать воинами?»

Сегодня, несомненно, охотнее слушают хулителей, чем панегиристов. Образ, вписанный в наше коллективное сознание, является откровенно негативным. Но любое современное историческое исследование тяготеет все-таки к реабилитации, чему удивляться не приходится. В продолжение веков историк находился под слишком мощным воздействием свойственных его эпохе мод и идеологий. То, что противоречило его привычке и мнению, казалось ему чудовищным и неестественным. Он не был способен понять, что порой человек может не только принимать, но и высоко ценить то, что сам же осуждает или считает неприемлемым. Теперь ситуация начинает меняться. Историки учат критическому рассмотрению фактов, а не умонастроений. Вспышки яростного отрицания все еще имеют место, но сила их мало-помалу убывает. Возраст делает человека спокойным, если не мудрым; не снисходительным, а более склонным к уравновешенной оценке событий. К тому же чем лучше знание, тем лучше понимание.

Вот какие размышления руководят мною сегодня. Имеющиеся в моем распоряжении материалы ненамного обильнее тех, которые использовались моими предшественниками, как увидит читатель, довольно многочисленные и, за несколькими прекрасными исключениями, мало полезные. Источники разработаны слабо, но на их лучшую разработку я претендовать не мог: для этого у меня не хватало ни досуга, ни компетенции; зачастую неизданные или изданные, но не переведенные, они, по большей части, написаны по-персидски, то есть на языке, не входившем в круг моих штудий, и их полное прояснение требует весьма упорного труда тех, кто этим занимается профессионально. Однако настанет день, когда, благодаря их усилиям, станет возможным про-

следить каждый шаг Тамерлана, метавшегося в бурном потоке жизни. Итак, несмотря на то, что мною были использованы несколько новых и основательных трудов, я не претендую на то, что мне удалось совершить какие-то крупные открытия в насыщенной событиями истории моего героя. Многие подробности так и остались непроясненными, и, более чем вероятно, допущены какие-то фактологические ошибки.

Вместе с тем Тамерланова жизнь изучена достаточно, чтобы мы могли быть уверенными в том, что ничего важного не упущено; к тому же на сегодняшний момент достигнута точность бóльшая, нежели когда-либо. Так, в своей (не датированной) замечательной, хотя и небольшой по объему, работе, посвященной Средней Азии, Пеллио еще мог написать, что завоеватель занимал Москву в продолжение «целого года», что это утверждает такой источник, как «Зафарнаме», но что, как известно сегодня, не соответствует действительности. Конечно, поводов для сомнений имеется еще столько, что все нынешние биографы, начиная с Рене Груссе, автора давно вышедшей в свет «Степной империи», и кончая более близкими к нам, сводят хронологию до минимума — столь явно они опасаются ошибиться. Чтобы читатель мог успешнее следовать за ходом событий, я рискну им не подражать; однако признаюсь, что даты, указанные мною, предположительны.

Мне не кажется, что у неспециалистов имеется очень большой интерес к изучению мельчайших подробностей жизни Тамерлана. Безусловно, его поступки были ярки, даже необычны, но прежде всего выглядят столь же героическими, сколь и ужасными. К тому же они могут утомить своей бесконечной похожестью. Несомненно, было бы весьма увлекательно шаг за шагом проследить за Тамерланом в его детстве и отрочестве, чтобы понять, как могла сформироваться эта незаурядная личность... Увы, это невозможно, так как информация или скудна, или целиком мифологична.

Первые годы Тимуровой взрослой жизни, скажем, от 20 до 35 лет — это медленное и упорное восхождение к вершинам власти, с его успехами и поражениями, удивительными дерзновениями и отступлениями, а также уловками, кажущимися — совершенно напрасно — проявлениями откровенного лицемерия или подлости. Такова судьба всех честолюбцев, равно как и судьба всех рыцарей-скитальцев, столь почитаемых в Центральной Азии, примеров которых тиму-

ридский Ренессанс дает множество, начиная с Бабур. Наконец после ряда лет, когда Тамерлан готовился и примеривался, наступила почти непрерывная череда военных кампаний (1370—1401), неизменно кровопролитных, но победоносных. На пространстве между Дели и Эгейским морем, между Дамаском и Китайским Туркестаном Тамерлан осадил сотни городов, крепостей и цитаделей, которые разорил и залил кровью, о чем любит — и слишком часто — вспоминать история, оставляя о нем память, соперничающую с памятью о Чингисхане, «которая (сверх того) более точна, ибо менее удалена от нас во времени».

Надобно, описывая все это, десять или сто раз повторить одни и те же слова: «страшные холода», «иссушающая жара», «разбитые дороги», «изнуренные, голодные и тем не менее бесстрашные воины»; описать одни и те же пейзажи: «непроходимые пустыни», «недоступные горы», «бескрайние степи»; использовать одни и те же образы: «хлопающие на ветру полотнища знамен», «нескончаемые колонны войск», «сверкающее на солнце оружие», «станы, напоминающие огромные города», «подкопанные и взорванные стены», «героические ошибки» и «благородный звон мечей», но также: «дети, раздавленные копытами лошадей», «женщины, изнасилованные прямо на дорогах», «ноги, сожженные на медленном огне», «отрубленные головы, смешанные с известью для возведения “башен”»; описать зрелища, поначалу поражающие, затем утомляющие и вызывающие горечь во рту и отвращение в сердце, принуждающие поскорее перевернуть страницу, чтобы наконец перейти к итогам всего этого бранного грохота и человеческого иступления.

Конечно, Трансоксиана и Иран на многие десятилетия получили благодаря Тамерлану то, что было уже ими забыто: возродилось процветание, ожила торговля, обогатились купцы и установилась сильная, действенная власть. Но какой ценой! И на какой срок? То, что называют Тамерлановой империей и что не идет ни в какое сравнение с империями римлян, арабов и Чингисовых монголов, своему основателю не дало ничего. Империя распалась на несколько уделов (впрочем, блистательных), последний из которых исчез с лица земли менее чем за одно столетие, и чьи владетели не оставили бы по себе никакого наследника, не обнаружись среди них некто по имени Бабур. Конечно, его сыновья и внуки: Шахрух, Байкара, Султан-Хусейн-мирза, государь-астроном Улугбек и некоторые другие станут твор-

цами поразительного тимуридского Ренессанса, который принесет удивительные плоды почти во всех областях науки, искусства и литературы. Несомненно, не кто иной, как Тамерлан заложил основы этого чуда в своей столице, которая занимала все его помыслы. Но не родись они, что осталось бы от тимуридской цивилизации? Несколько пышных памятников, осыпающихся в благостном и красивом Самарканде? Этому человеку можно быть благодарным только за то, что им порождено.

Это правда, что ему хотелось строить, наводить порядок, насаждать мир, но почти ничего из этого ему не удалось. Вместе с тем нельзя забывать: то, что он создал на несколько лет, не стоит того, что было им истреблено на долгие времена, а то и навеки, разве что надлежит учесть, что его деятельность так или иначе изменила облик мира. Мусульманская империя в Индии рухнула; Золотая Орда, мощнейшая держава, сюзерен Руси, пала; всего в одном сражении Османы оказались раздавлены так жестоко, что впоследствии смогли подняться лишь чудом. Ислам едва не погиб под натиском полчищ язычников-монголов; этому же риску его подвергли рати мусульманские, Тамерлановы. И если где-то он выдержал это испытание, — а в некоторых регионах вышел из него окрепшим, — то оказался обреченным на исчезновение в крае, где сегодня находятся Украина и часть Поволжья.

Не является ли Тамерланова жизнь той долгой эпопеей мужества, удач и ужаса, рассказать о которых следует самым подробным образом? Рассмотрение ее в этом свете могло бы свести ее к тому, что показалось бы почти банальным, а именно, что деяния сего человека были вполне соразмерны его личности. Но в случае с Тамерланом все не просто. Каков бы ни был масштаб событий, он обязательно имеет некую предельную величину. Тамерлан же, видимо, ее не знал и то и дело превосходил себя, превосходил события, при всей их грандиозности. Он существовал в постоянной чрезмерности. Его не останавливало ничто: ни ратные тяготы, ни возраст, ни болезни. Одна только смерть умела взять над ним верх. Быть может, поэтому его победы кажутся более громкими, чем являются в действительности, а его злодеяния — более зверскими, нежели на самом деле. И все это усугубила дарованная ему судьбой исключительно долгая жизнь, за время которой он заполнил своими громами весь Восток. Тамерлан созрел не рано и был обязан успехами лишь долголетию. Он процарствовал тридцать пять лет, в те-

чение которых внутреннее напряжение его не оставляло ни на секунду. То вовсе не был метеор, который пересекает в мгновение ока небесный свод!

Тамерланова эпоха являлась промежуточным этапом истории, когда превосходству великих кочевников грозило исчезновение под натиском технического прогресса, ибо он должен был очень скоро противопоставить ружья лукам и пушки коннице. Грандиозные рейды, которые во многом способствовали порабощению Китая, несмотря на возведение мощной, но бесполезной Великой стены, привели к крупномасштабным нашествиям германских племен на Европу. Разрушения, которым еще недавно подвергали Чингисовы орды Старый Свет, повториться уже не могли, однако пока ничто об этом не возвещало. И тем не менее именно Тамерлан оказался в равновесном положении между кануном и новым днем. Он был племенным деятелем, рискнувшим порвать с племенной традицией; бродягой, ушедшим в город; язычником, почитавшим великие мировые религии. Его невероятные конные рейды до самой сердцевины Центральной Азии и русских лесов оказались последними в истории победоносными набегами конницы. Разгром его врага Тохтамыша, *хана* Золотой Орды, стал эпохальной датой не только для славян и тюрок, но и для всей Евразии. Тогда же пришло время усомниться в непобедимости кочевников.

Итак, более, чем событийная история, нас интересуют сам Тамерлан и его время, суть которых мы надеемся выяснить. Для решения этой задачи мы, как нам кажется, оснащены лучше, нежели те, кто следовал за Тамерланом по пятам. Он и его эпоха оказались на стыке двух противоположных миров: седентарного мира мусульманского Ирана и кочевого мира евразийских степей, который довольно неудачно называют шаманским и коему была посвящена главная часть ведущегося несколько последних десятилетий исследовательского труда. Мы же уверены в том, что нам удастся проследить и в Тамерлане, и в его эпохе традиции, которые принесли его предки из глубины веков, с далеких пастбищ Монголии. Иранист Жан Обен отметил факт проявлений в поступках этого мусульманина, несомненно искреннего и истового, языческого субстрата, мощного и богатого, коему тюрки и монголы обязаны тем, что в их гении имеется самого лучшего. Тамерлан сумел почувствовать, какую роль играли эти традиции, и некоторые из них сумел применить. Существуют и другие составляющие, узнать ко-

торые может лишь алтаист и специалист по религиозным мировосприятиям. Эти традиции всего не объясняют, но позволяют лучше понять сложность индивидуума, метавшегося между двух ипостасей, которые он пытался слить в нечто единое.

Поставленные Тамерланом задачи не так легко было решить в условиях общества, которое можно называть всяким, но только не простым, и в рамках свойств личности, с трудом поддающейся пониманию, где оказываются тщетными любые попытки обнаружить к ней ключ, разве что в ее силе и воле. Вопросы, найти ответы на которые мы должны, не новы: даже если они не касаются всех преуспевших больших честолюбцев, то все равно историки с ними уже сталкивались, изучая Сельджукидов, Газневидов или самого Чингисхана.

Как достиг вершин власти этот человек невысокого происхождения? Как сумел этот тюрок сделаться правителем Ирана? Как номад превратился в стопроцентного горожанина и полюбил свою столицу более всего на свете? Как этот полководец, делавший все для того, чтобы не ввязываться в крупные баталии, выигрывал каждое данное им сражение, одерживая верх над военачальниками не самого мелкого масштаба, например, над Тохтамышем, правителем Золотой Орды, разорившим Москву, или над Баязидом Молниеносным, славившимся непобедимостью, не потерпевшим в Европе ни одного поражения? Как случилось, что этот вечный победитель, перед которым не могла устоять ни одна крепость, был вынужден снова и снова брать штурмом одни и те же города, по пять раз начинать одни и те же походы? В силу каких причин отказался Тимур от завоевания ненавистного Египта, но отправился воевать в равно презиравшийся им Китай в самый разгар зимы, уже будучи старым, увечным и больным? Какая тайная сила позволяла ему вербовать на Среднем Востоке дервишей и монахов всех мастей и делать из них своих агентов, тогда как он с величайшим равнодушием нарушал законы Корана? Что позволяло ему опираться на капитал, тогда как он отправлял на смертные муки богачей, дабы присваивать себе их имущество? Как удавалось ему внушать одним и тем же людям страх и безусловную преданность, если не сказать любовь?

В личности Тимура все кажется противоречивым и одновременно быть таковым не может. Великий *эмир* представляется нам безмерно гордым, однако он же довольствовался

одним скромным званием; он посадил на трон государя, зависимым от которого себя объявил, признал себя вассалом Китая и, наконец, распорядился похоронить себя в ногах какого-то святого. Он запретил вино, но организовывал попойки, во время которых напивался смертельно. Тимур учинял жесточайшие побоища, но он не выносил рассказов о пытках или просто об ужасах войны. Он разрушал памятники, но при этом страстно любил их строить. Он был, возможно, безграмотен¹, но любил искусства и изящную словесность, привлекал убеждениями и доставлял силой к своему двору величайших художников; он преклонялся перед знаменитым арабским историком Ибн Хальдуном, будучи преисполненным искренним уважением к его деятельности. Он был неулыбчив — и это наименьшее, что можно сказать по данному поводу, — но высоко ценил острословие. Он был безжалостен и явно не способен на милосердие, но иной раз мог совершенно неожиданно простить. Тимур производил впечатление субъекта бесчеловечного, но в то же самое время безраздельно любил своих детей, сестру и бурно радовался, когда получил известие о рождении внука. Его жесты отличались необыкновенным изяществом, а его поступки — благородством: так, он отдал Османам их погибшего государя для достойного погребения; он угостил ранними овощами им же осажденного князя...

Исфаган, Ургенч, Астрахань, Дели, Алеппо, Дамаск, Багдад — перечисления этих городов, как и других наиболее знаменитых его жертв, вполне достаточно, по словам Жана Обена, для того, чтобы его прославить. Точнее — для вынесения обвинительного вердикта. Однако неизбежно приходишь к уверенности в том, что существует нечто иное, преодолевавшее горы и моря, позволявшее донести Тамерланово имя до западных пределов Земли и являющееся не только той радостью, которая охватила европейцев по получении известия о разгроме им Османа в тот самый час, когда тот уже был готов занять Константинополь и угрожал Центральной Европе, и не только надеждой на возрождение союза с народами Востока, которые могли бы напасть на турок с тыла. Могла ли эта надежда, столько раз порушенная монголами, оставаться серьезной? Надо заметить, что, как ни странно, увлечение основателем государства, которое

¹ Здесь и на многих других страницах первой части мы излагаем суждения, которые будут оспорены во второй части.

вместе с Рене Груссе ошибочно и преувеличенно называют «последней степной империей», в Европе было сильным. Число живописцев и графиков, претендовавших на точность его изображения, было огромно. Своим героем его сделала и литература: живший в конце XVI столетия Марло поместил его в центре двух своих трагедий; затем Вольтер посвятил ему одно из исторических эссе; Гёте упомянул о нем в «Диванах». Личностью Тимура вдохновлялись даже музыканты. Так, Гендель сочинил оперу, носящую его имя. В XVII веке (на удивление рано, если учесть позднее зарождение ориенталистики) с переводом некоторых источников, касающихся Тамерлана, возникла, как отмечает мой друг востоковед Керен, настоящая мода на него сначала во Франции, затем в Италии, Испании, Англии и Германии. Однако переменчивая любознательность публики вскоре обратилась к предметам иным. На исходе XIX века интерес к его личности вдруг оживила (правда, не надолго) русская экспансия в Центральной Азии.

Сегодня от всего этого не осталось ничего. Теперь каким-то странным и несправедливым образом Тамерлан, похоже, занимает нас много меньше, как если бы наше любопытство, обращенное на всю планету, сделало нас более озабоченными ее настоящим, нежели прошлым; как если бы оставленные Великим эмиром воспоминания со временем превратились в ничто, возможно, оттого, что трагедии XX столетия породили в нас отвращение к драмам минувшего: вздрагивать, читая об избиениях, совершавшихся Тимуридами, после того как мы узнали Гитлера, Сталина, Вьетнам, атомные бомбы и напалм, теперь как бы и не пристало. Но ведь в стародавние времена восхищенных современников потрясали не одни только боины, а также личность этого человека, его жизнь и деяния. Последние, повторимся мы, являлись определяющими более в истории Восточной Европы, чем в истории Индии и Среднего Востока. Что касается личности завоевателя, то, как скоро мы получили сравнительно широкие возможности изучения оной во всей ее полноте, а мусульманский мир требует нашего внимания с возрастающей настойчивостью, не пора ли нам согласиться с тем, что она вновь и более прежнего заслуживает проявления нашей любознательности? Мы знаем, что история Франции хорошо объясняет Францию современную. История же мусульманского мира позволяет понять нынешний мусульманский мир еще лучше, и в этом мы весьма нуждаемся.

Каковы бы ни были чувства, которые может вызвать в нас Тамерлан; каковы бы ни были суждения о нем, совершенно невозможно отрицать, что он обладал качествами необыкновенными и притягательными, что его личность, как воителя и самодержца, грандиозна. Равных ему мало; быть может, таких, кто превосходил бы его, не существует вообще. Он из когорты Александров Македонских, Дариев, Цезарей, Чингисханов и Бонапартов. Это одна из величайших фигур прошлого.

Я надеюсь, что эта книга поможет не только пролить свет на историю Великих Моголов, — что в конечном счете является моей непосредственной целью, — но также лучше понять человека, от которого они происходят, а через него продвинуться дальше в познании мусульманского мира и Центральной Азии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СОБЫТИЯ

Глава I
НАСЛЕДСТВО ЧИНГИСХАНА

Империя Чингисхана

Монгольская империя Чингисхана рухнула. Она была создана в период, несомненно, самого ужасного из всех катаклизмов, известных истории, средствами самой свирепой жестокости горсткой людей, знавших, куда они шли и что хотели; целью же их было построить всемирную монархию и так, чтобы имелся всего один государь на Земле, как существует один Бог на Небе, и тем самым установить вечный мир.

На осуществление этого замысла потребовалось около столетия. Результат, конечно, оказался неполным (в самом деле, существует ли кто-нибудь, кто был бы способен объединить мир и исторгнуть из людских сердец зерна анархии?), но уже чрезмерным. Низкорослые, узкоглазые и широкоскулые всадники, которые в один прекрасный день избрали одного из своей среды по имени Темучин, чтобы сделать его своим предводителем, впоследствии названным Чингисханом, пообещав «идти в первых рядах в битве и отдавать ему дичь, а также женщин и дев»; эти приземистые наездники правили бал на пространстве, заключенном между Тихим океаном и Средиземным морем, оккупировав Китай, Корею, Маньчжурию, бескрайние степи Центральной Азии, Иран и Афганистан, вплоть до берегов Инда, большую часть Месопотамии, а также Кавказ, Малую Азию, где влачили существование вассалов сельджукские *султаны*, равно как Южную Россию, территорию современной Украины, через которую получали оброк с северославянских княжеств. Они попытались счастья в Сирии, Польше, Венгрии, дошли до Адриатики, предприняли набеги на Индокитай, Бирму, Индию.

Разумеется, климат последней, «адски жаркий», заставил их откатиться обратно, но они сумели более или менее полностью взять под свой протекторат две первые в данном списке страны. Плохо знакомые с морем, они бесстрашно всходили на корабли, коими правили признававшие их

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СОБЫТИЯ

Глава I. Наследство Чингисхана	20
Империя Чингисхана	20
Ильханы	23
Золотая Орда	24
Монголы	27
Тюрки	28
Распад мусульманских государств	29
Джагатайский улус	30
Раскол Джагатайского улуса	34
Искушение Индией	36
Хорасан	37
Глава II. Путь к власти	39
Рождение	39
Легендарная и постыдная юность	40
Начало	44
На ханской службе	45
Жизнь-авантюра	47
Возвращение Ильяс-хана	51
Соперничество между Тимуром и Хусейном	52
Устранение Хусейна	54
Глава III. Трансоксианское государство	55
Самарканд	56
Формирование державы	58
Кампании 1371—1373 годов	60
Походы на Моголистан	62
Появление Тохтамыша	64
Пилигрим	66
Конец Хорезма	67
Глава IV. Иранская империя	68
Хорасанский вопрос	68
Война	69
Мятежи	71
Новый поход на Запад	73
Возвращение Тохтамыша	76
Кара-коюнлу	77
Принесение Исфагана в жертву	78
Глава V. Тохтамыш и пятилетняя война	81
Трансоксианские новости	81

Новое нападение Тохтамыша	83
Степная кампания	85
Начало пятилетней войны	89
Иракский поход	90
Третье явление Тохтамыша	93
Поход в Восточную Европу	95
Возвращение	96
Глава VI. Разгром крупных мусульманских держав	97
Достижения старца	97
Мечта об Индии	98
В Кафиристане	100
Индийская кампания	102
Безумие Мираншаха	105
Первая Османская кампания	108
Сирийская кампания	109
Набег на Ирак	112
Битва за Анкару	113
Анатолийская кампания	117
Траур	119
Последние потрясения на Среднем Востоке	120
Глава VII. Мечта о Китае не осуществилась	121
Искушение Китаем	122
Выступление в поход на Китай	124
Смерть Тимура	124

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВРЕМЯ**

Глава VIII. Портрет	128
Свидетельства искусства	128
Портрет, созданный Герасимовым	130
Железный человек	131
Одержимый	135
Вера Тимура	137
Режиссер	138
Человеческие чувства	141
Лицемерный, коварный и так далее	143
Интеллигент и художник	146
Талант военачальника	149
Националист	151
Неполный портрет	153
Глава IX. Палач	153
Процесс	153
Преувеличения	156
Великодушие Тамерлана	159
Переговоры и грабежи	162
«Минареты» из черепов	164

Пленные	167
Подсчеты	168
Террор	170
Всадники	173
Глава X. Возврат к язычеству	174
Шаманистские корни	175
О живучести Чингисидовой культуры	176
Выдуманная генеалогия	178
Происхождение верховной власти	180
Парапсихологические силы	182
Уважение священнослужителей	184
Богословские диспуты	186
Противостояние между ясой и шариатом	187
Мусульманское государство?	188
Глава XI. Религии в ареале тимуридской экспансии	194
Упадок мусульманства в XIII веке	194
Мусульманская реакция в XIV веке	195
Иудаизм	199
Буддизм	200
Маздакизм и манихейство	202
Восточные Церкви	203
Несторианство	205
Католичество	207
Глава XII. Культурная жизнь	211
Тимуридский Ренессанс	211
Изыщная словесность	213
Ремесла	214
Живопись	215
Китайское влияние	218
Сады	218
Архитектура	220
Биби-Ханым	222
Гур-Эмир	223
Шахи-Зинда	225
Истинный лик Тимура	228
Глава XIII. Государство и общество	229
Государь	229
Империя или царство?	232
Политический проект	233
Экономические планы	236
Армия	239
Дипломатия	244
Финансы	248
Общество	251
Женщины	253

<i>Глава XIV. Итоги</i>	255
Поражение или успех?	255
Тамерланово наследство	259
Нежданный плод	263

ПРИЛОЖЕНИЯ

Глоссарий	266
Указатель имен	269
Календарь двенадцатилетнего цикла животных	271
Генеалогия Чингисхана и монгольских ханов	272
Фиктивная генеалогия Тимура, якобы доказывающая его родство с Чингисханом	273
Тимуриды (упрощенная генеалогия)	274
Основные даты жизни Тамерлана	275
Библиография	279
<i>В. Л. Егоров. Сотрясатель Вселенной</i>	285